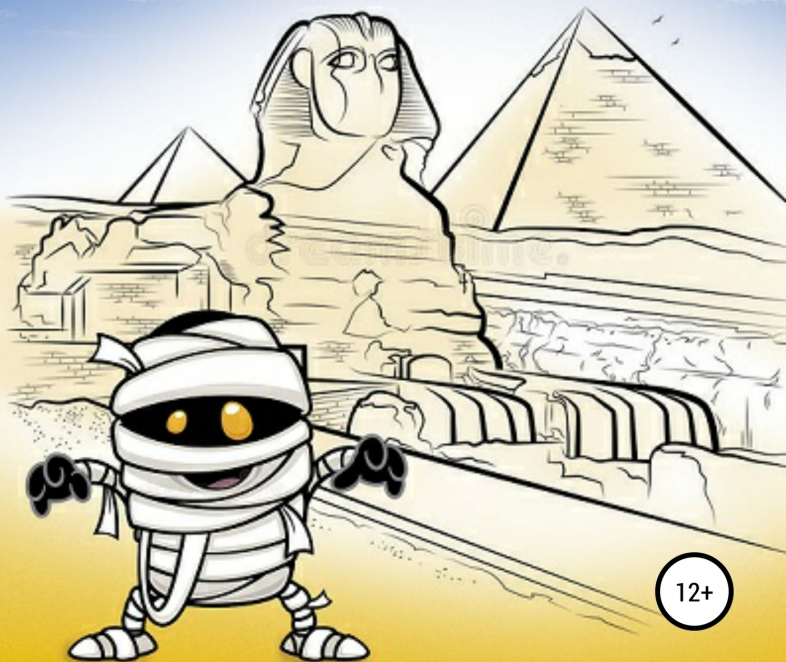

Юлия СЕМЁНОВА
Александра ЮНКО

Большое путешествие в Древний Египет

12+

Юлия Георгиевна Семенова Александра Петровна Юнко Большое путешествие в Древний Египет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40646852

SelfPub; 2019

Аннотация

Шестиклассник Витя Корницов, которого прозвали Спинозой за ум, очень любит экспериментировать. В детской песочнице он построил пирамиду, которая неожиданно стала порталом в иные миры. Именно через эти ворота попали в Древний Египет сам Спиноза, его друг и одноклассница Катя Волосюк, по прозвищу Геракл, двоечник Бонифаций Петуля и погнавшаяся за ним классная руководительница Марь Иванна, которую все в школе называют Карга. Боги и фараоны, простые люди и пророки, взрослые и дети, выдуманные и реальные исторические личности – все они герои этой книги, которая будет интересна и детям, и взрослым.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	7
Глава 1. Священная муха	7
Глава 2. Телевизор все врёт!	12
Глава 3. Могила неизвестного покойника	20
Письма Шампольона брату	25
Глава 4. Кошка сдохла, хвост облез	28
Глава 5. Пространственный канал	34
Письма Шампольона брату. Послание второе	39
Часть вторая	41
Глава 1. Ах, привидение!	41
Глава 2. Великий Дом у себя дома	50
Глава 3. «Прекратить немедленно!»	59
Глава 4. Криминальная хроника	67
Глава 5. Педагогическая поэма	76
Глава 6. Культпоход в храм	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Вместо предисловия

Однажды в студеную зимнюю пору... Ой, нет! Там, наоборот, очень жарко. Там пирамиды, верблюды, много песка. И туристов не меньше. Они приезжают поплавать в море, поглазеть по сторонам, закупить сувениров и потом рассказать знакомым, как отдыхали в Египте.

Витя Корнецов никогда не был в этой стране. Но знает о Египте в сто раз больше любого туриста. Он вообще очень образованный. Так много читает, что даже носит очки. Из-за ума одноклассники прозвали его Спинозой, как нидерландского философа XVI века. Но у Корнецова другой кумир. Над Витькиным компьютером даже висит его портрет. Красивый мужчина с бакенбардами, как у Пушкина, смотрит куда-то вдаль. А за его спиной египетская пустыня. Это потому, что Жан Франсуа Шампольон (так звали ученого) 200 лет назад приехал туда из Франции проводить свои исследования.

До этого он, как Спиноза, прочитал о Стране пирамид кучу книжек. И даже видел Розеттский камень, который привез из египетского похода император Наполеон. На этом камне много чего было понаписано – и буквами, и рисунками. Ученые прям с ума сходили, но не могли расшифровать загадочные картинки. У Шампольона тоже сначала ничего не получалось. Двадцать лет потратил он на это дело. Друзья много

раз пытались вытащить его на всякие там балы, салоны, дуэли, да просто в карете покататься. А он ни в какую. Не могу, говорит, иероглифы расшифровываю. Старший брат Жак Жозеф, профессор греческой литературы, и тот дразнил его ботаником. Во всяком случае, так казалось Вите Корнецову.

Как-то поздно вечером Жак Жозеф работал в своем кабинете. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге показался бледный и взволнованный Жан Франсуа. В руках он держал какие-то бумаги.

– Любезный брат мой! – только и успел сказать Шампольон-младший. – Их можно прочесть!

И упал в обморок.

Так были расшифрованы древние египетские письмена.

Всю жизнь Спиноза жалел, что не может встретиться и поговорить со знаменитым египтологом. Но вот однажды...

Впрочем, не будем забегать вперед.

– Ну и что, что он отличник! – всегда защищает Витю от двоечника Петули Катя Волосюк по кличке Геракл. – Зато умный какой! И для него раз плюнуть что-нибудь изобрести.

Сама Катя славится своей развитой мускулатурой. Теперь понимаете, почему у нее такое прозвище?

И Катя, и Витя, и Петуля учатся в шестом «а» классе двадцать первой школы. Их классную руководительницу, Марь Иванну, чаще называют Каргой. Не будем уточнять за что.

Еще недавно Геракл, Петуля и Карга ничегошеньки не знали про Древний Египет. Как, впрочем, и авторы, когда

садились писать эту книжку. Но так уж случилось, что мы вместе с героями попали в Страну пирамид. Нам и сейчас кое-что неясно. Поэтому то и дело приходится заглядывать в энциклопедии и словари. Из них можно вычитать немало интересного.

Мастаба, например, – это ступенчатая пирамида. Себек – бог Нила, крокодил. Нил для египтян был просто Рекой. Зато Красное (Чермное) море в те времена называли еще и Тростниковым. Древнюю Финикию, страну на восточном побережье Средиземного (Великого Лазурного) моря, известную своими ремеслами, культурой и торговлей, египтяне именовали Джахи, а финикиян – джахийцами. А о местоположении загадочной страны Пунт ученые спорят до сих пор: то ли она находилась в Восточной Африке, то ли в Индии, то ли в Причерноморье... Ну, и так далее.

Если вы всерьез заинтересуетесь Египтом и захотите поговорить со знающим человеком – ищите Спинозу. Он такой маленький, щуплый, неприметный. Вы его сразу узнаете по очкам и толстой книжке в руке.

Часть первая

Глава 1. Священная муха

Петуля, как обычно, маялся. У окна надсадно гудела муха.

– Ж-ж-ж-ж...

– 3-3-занятия, – распиналась Карга, – 3-3-знания...

В шестом «а» шел классный час.

С минуты Петуля вдумчиво смотрел на муху, потом, изловчившись, молниеносно схватил ее, и на лице у него появилась счастливая улыбка.

– Обяз-3-зательно... наказ-зание... – зудела у доски классная.

– Ж-ж-ж... – билась в кулаке муха.

Ладонь вспотела. Петуля отправил муху за шиворот сидящей впереди Кати Волосюк. Но Геракл этого даже не почувствовала. Она отключилась от мира по всем правилам ауто-тренинга.

Спиноза перелистнул под партой страницу. Его глаза с немыслимой скоростью бегали под очками:

«...Древние египтяне называли свою страну Та-Кеме, что означает «черная земля». В дальнейшем за этими землями закрепилось греческое звание Айгюптос...».

– А ты, Петуля, что на Волосюк уставился, как сфинкс на

новые ворота? – прогремел над самым Витиным ухом голос Карги.

Спиноза вздрогнул. Книжка захлопнулась и с громким стуком упала на пол.

– И ногами вот стучишь! – продолжала обличать Марь Иванна.

– Это не я, – обиженно пробасил Петуля. – Как что – так сразу я!

Но Карга уже набирала обороты.

– И ты, Волосюк, туда же! – переключилась она на Геракла. – Хоть бы мысль какая в глазах мелькнула! Волосюк! Ты катишься по наклонной плоскости!

Катя вынырнула из медитации, вскочила и бойко затараторила:

– Наклонная плоскость, Марь Иванна, находится под углом к ненаклонной плоскости. И тело по ней катится с разбегом. То есть, я хотела сказать, с ускорением!

Класс грохнул.

Геракл с удивлением огляделась по сторонам.

– Разве неправильно, Марь Иванна? Ой! – Катя подпрыгнула. Из-за ее воротника вылетела большая зеленая муха и с громким жужжанием устремилась к Карге.

– Безобразие! – взвизгнула классная. – Немедленно убери насекомое, Волосюк!

– Это не Волосюк! – донесла Буланова. – Это Петулина муха. Он ее посадил! Я сама видела!

– Что ты видела?! – возмутился Петуля. – Как читала свои гороскопы, так и читай. Нечего на меня эту муху вешать! Из кого вылетела – того и муха!

– Прекрати базар, Петуля, и немедленно уничтожь насекомое! – приказала Карга. – Муха – переносчик инфекции! Возможно, Волосюк уже инфицирована...

Петуля хлопнул Катю по плечу.

– Слышь, заразная, можешь завтра в школу не ходить!

– Пересядь от Волосюк, Витя, – Марь Иванна заботливо склонилась над Спинозой. – Она была в контакте с мухой.

Спиноза сделал сложное движение, пытаясь приподняться и одновременно подгрести к себе ногой увесистый том. Лицо Карги разгладилось. Она наклонилась и благоговейно подняла книгу с пола.

– Посмотри, Петуля, какие толстые произведения носит с собой твой одноклассник. А тебе лишний учебник взять лень.

– «За-гад-ки... стра-ны... пи-ра-мид», – вынужден был прочесть Петуля.

– И какие же там загадки, в этой самой стране пирамид, Витя? Расскажи товарищам, – предложила Марь Иванна. – Раскрой нам свои знания.

Спиноза смутился.

– Видите ли... – он поправил на носу очки. – В Древнем Египте было много загадок. Право, не знаю, с которой и начать...

Он поднял глаза к потолку и увидел сидящую на нем муху. Она деловито потирала лапки.

– Вот эту муху, например, египтяне ни за что бы не стали уничтожать...

– Конечно, – согласилась Карга. – Дикая нация. Кочевники. Никакого представления о гигиене.

– Напротив, – оживился Спиноза. – Они прекрасно разбирались в медицине. И, простите, Марь Иванна, никогда не были кочевниками. Просто египтяне обожествляли многих животных, птиц и насекомых. Они считали их священными. В частности...

Геракл почесала шею:

– Что же мне теперь, на эту муху молиться, что ли?

Витя хотел ей ответить и развить мысль, но не успел.

Петуля горделиво расправил плечи и поднялся во весь свой рост:

– А я что говорил, Марь Иванна? А вы «Петуля, Петуля»! А он что? Только эту муху увидел, тут же просек: не простая она. И дрессируется так спокойно. Богиня, блин, одно слово!

Карга опасно покосилась на потолок. Муха выразительно посмотрела на нее и кивнула.

– А как же... гигиена и антисанитария? – пролепетала классная.

Геракл поиграла бицепсами.

– Надо ее освободить, – рассудила девочка по справедливости. – Тоже жить хочет.

Буланова неуверенно переводила взгляд со Спинозы на муху и на Каргу.

– Весной всегда птиц выпускают на волю, – наконец промямлила она. – А муха... Она тоже с крыльями...

Марь Иванна задумалась. Но раньше, чем она успела подобрать контраргумент, ее губы сами собой произнесли:

– С точки зрения экологического воспитания школьников...

Геракл, не давая ей договорить, радостно подбежала к окну и распахнула створки.

Все замахали руками. Муха совершила под потолком круг почета и вылетела навстречу свободе. Громко зажужжал звонок.

Глава 2. Телевизор все врет!

Не отрывая глаз от телевизора, Геракл чистила картошку. Молоденькая дикторша улыбнулась с экрана миллионам телезрителей и зачистила:

– Начинаем вечерний показ телесериала «Осирис и Исида», – она заглянула в свои бумаги, – любезно предоставленного нам «Тот-арт компанией». Краткое содержание предыдущих ста восьмидесяти трех серий. Богиня плодородия, воды и ветра Исида выходит замуж за сына Геба и Нут – Осириса. Счастье молодой четы кажется безмятежным. Однако родной брат Осириса, коварный бог пустыни Сет, страстно влюбленный в Исиду, хочет отнять ее у мужа. Его супруга, Нефтида, исподтишка мстит своей сопернице и родной сестре Исиде. Осирис уезжает в командировку... Предлагаем вашему вниманию сто восемьдесят четвертую серию фильма.

...Приятной наружности молодой человек с ослиной головой сидел, закинув ногу на ногу, в роскошно убранной гостиной и курил сигару. Пепел он небрежно стряхивал на носок ботинка.

– Опять куришь, – сварливо сказала Нефтида, входя в комнату и морщась от дыма. – Сколько раз я просила тебя не курить в помещении. Или хотя бы открывать окна.

Сет и ослиным ухом не повел. Он набрал полные легкие дыма и старательно выпустил его в сторону жены.

– Оставь меня в покое. Я работаю, – проворчал Сет.

– Ха, – презрительно хохотнула Нефтида. – Он работает! Можешь рассказывать эти сказки своим прихлебателям. Посмотри, как устроились другие боги. У них есть все. А что у нас? – она обвела рукой позолоченную мебель и фрески на стенах. – Сплошная пустыня.

– Тебе все мало, – злобно заметил Сет, вставая и нервно расхаживая из угла в угол. – Ты вышла за меня ради денег! Ради богатства!

– Да, именно так! – с вызовом отозвалась женщина. – А что еще ты можешь предложить? Ум? Красоту? Обаяние? Посмотри на себя, урод!

Сет помассировал пальцами виски.

– О Амон! – патетически воскликнул он. – И это благодарность за все, что я для нее делаю! Когда мы расписывались, я надеялся, что будем жить, как нормальные боги. А ты превратила мою жизнь в преисподнюю! За три года нашего брака ты стала отвратительной скандальной бабой!

Лицо Нефтиды исказилось от гнева.

– Я знаю, что ты ко мне равнодушен. И догадываюсь, кто в этом виноват. Проклятая Исида! В ее присутствии ты ведешь себя просто неприлично!

– Ах, оставь эти намеки! Ревнивая дура! – Сет в изнеможении испарился.

Нефтида нервно подошла к бару и плеснула себе виски.

– Вот так всегда, – с обидой сказала она. – Никогда не

поговорит по-божески. Не даст высказать, что накопело.

Дверь отворилась. В баснословно дорогом вечернем туалете в комнату бесшумно вплыла Исида, сияя солнечным диском между рогами на голове.

– Здравствуй, сестра, – приветливо сказала она. – Как давно мы с тобой не виделись.

– Да, я даже успела соскучиться, – фальшиво улыбнулась Нефтида.

Женщины приложились друг к другу щечками. Жена Сета двумя пальчиками пощупала ткань, из которой было шито платье сестры:

– Какая прелесть! Это от Версаче или от Диора?

– Представь себе, отечественное производство. Купила в Мемфисе, и совсем недорого, – похвасталась Исида. – Сет дома?

Нефтида нахмурилась:

– У тебя к нему какие-то вопросы? Нет его, испарился. В пустыню. Устраивает там бурю.

Исида побледнела и заломила руки:

– Ах! Мой бедный муж! Его путь в Азию пролегает как раз через пески. Я так волнуюсь, так волнуюсь, как бы с ним чего-нибудь не случилось.

– Ну что с ним может случиться? – с досадой спросила Нефтида. – Он же бог.

– О, не говори так, сестра! – Исида прижала руки к груди. – Сердце подсказывает мне, что все эти командировки

добром не кончатся... Представь, в прошлый раз Осириса чуть было не съели! И ему пришлось срочно отучать дикарей от людоедства. Муж всегда взваливает на себя чужие проблемы. В конце концов, почему он должен все решать за смертных? Ну, перестали они пожирать друг друга, пускай сами позаботятся об иной пище. Так нет же, Осирис научил их сеять ячмень и – как это?– полбу. Выращивать виноград и делать вино. Выпекать хлеб... Сейчас, кажется, налаживает производство пива. Больше того, он лечит этих несчастных!

Нефтида поджала губы:

– Я ни за что не позволила бы Сету заниматься такой ерундой. Подумай сама: твой муж может подхватить какую-нибудь заразу и принести ее в дом... Кстати, мне уже теперь не нравится цвет его лица. Какой-то Осирис стал землистый, зеленоватый...

– Слишком много работает, – вздохнула богиня плодородия. – А насчет людей ты не права. Пусть лечит их на здоровье. Подумай сама, они ведь как дети, и мы, боги, должны поднимать их до своего культурного уровня.

Нефтида хотела ответить, но в это время раздался резкий телефонный звонок.

– Алле? Нет его, – отозвалась хозяйка. – Да, в пустыне. Когда будет – неизвестно. Да что ты, Ра! Заходи так, попросту. Мы тут с Исидой одни скучаем. У нее тоже муж в командировке.

Она повесила трубку и под села к зеркалу.

– А этот Ра ничего, – проворковала жена Сета. – Хоть и в возрасте...

Исида скромно потупилась.

– Но у него такие проблемы с дочерью, просто ужас какой-то, – Нефтида провела по губам помадой. – Говорят, она ему так хамит... Поэтому стоит жара: бог солнца, когда расстроен, совершенно не владеет собой. – Она поднялась и плавной походкой подошла к кондиционеру. – Ну вот, теперь немного прохладнее... А еще ходят слухи, что Тэфнут сбежала... Не помню, с кем... Не то с Шу, не то с Тотом... Куда-то на юг... Ой! – спохватилась вдруг Нефтида. – Ты в таком платье, а я по-домашнему. Пойду, пожалуй, переоденусь к ужину.

И она застучала каблучками по лестнице, подымаясь на второй этаж. Исида нажала кнопку пульта. Полилась нежная музыка. Богиня прошла по комнате, посмотрела на фрески родителей, вздохнула, приблизилась к кушетке и прилегла в картинной позе.

– Осирис... – прошептала она, прикрывая глаза. – О, где же ты?

Слезинка скатилась по ее нежной щеке. Исида всхлипнула и задремала.

В комнате немедленно материализовался Сет. Выразительными ослиными глазами он не отрываясь смотрел на богиню. Потом в порыве чувств опустил на колени возле

ее ложа.

– Исида, я обожаю тебя!

Исида вздрогнула и проснулась.

– Что ты, Сет? – испугалась она. – Не прикасайся ко мне!

Я замужем!

– Брось! – бог пустыни принялся пылко целовать ей руки. – Брось своего Осириса! Стань моею!

– А что вы намерены делать со мной? – раздался злобный голос.

На верхней ступеньке лестницы стояла Нефтида с короной на голове и в богатом платье...

Нож выпал из Катиной руки. Уши Сета безвольно повисли. Раздался звонок в дверь.

– Открыто! – прокричала девочка, не отрываясь от экрана.

Поползли титры.

– Привет! – Спиноза взглядом ученого окинул ведро чищенной картошки. – Вы что, гостей ждете?

– Ой! – смутилась Катя. – Я и не заметила... Такое кино интересное! Все так жизненно, знаешь...

Спиноза поморщился.

– Не понимаю, как можно смотреть подобную ерунду. Пошлость и безвкусица. И совершенно ненаучно.

– Почему? – удивилась Геракл. – Это же исторический фильм.

– Обыкновенная мелодрама, – возразил Витя, поправляя

на носу очки. – Мыльная, так сказать, опера. К историческим реалиям не имеет никакого отношения. Да и к мифологии, собственно говоря, тоже. Начнем с того, что в Древнем Египте не было телефонов, музыкальных центров, сигар и кондиционеров.

– Ты хочешь сказать, телевизор врет и все это выдумки? – напустилась на него Катя.

– Нет, не выдумки, – авторитетно заявил Спиноза. – Но все было не так, а совсем иначе. Я сейчас как раз увлекся египтологией и провожу небольшой научный эксперимент. В частности, меня интересуют не изученные доселе свойства пирамиды...

– Какие у нее могут быть свойства? – отмахнулась Геракл. – Стоит себе где-то там и стоит. Ты, Спиноза, со своей наукой свихнешься скоро. А жизнь проходит мимо...

– И это ты называешь жизнью?! – Спиноза сурово указал на экран. – Такое псевдоискусство рассчитано на самые невзыскательные умы!

– Это у меня такой ум?! – Катины бицепсы возмущенно перекачивались под рукавами футболки.

– Да, если ты веришь в подобные глупости! – непримиримо подтвердил мальчик.

– И верю!

– Ну и верь! – Спиноза повернулся к дверям. – А я еще хотел тебя на эксперимент позвать!

– Ну и проваливай! – запоздало крикнула ему вслед Ка-

тя. – Вместе со своей пирамидой!

Дверь захлопнулась.

Глава 3. Могила неизвестного покойника

Песок скрипел на зубах. Спиноза с остервенением расчищал строительную площадку.

– Ну и пусть смотрит свои сериалы! – обиженно бормотал он. – Я ей еще покажу, где настоящая жизнь!

Вокруг с совочками и ведерками суежилась малышня. Старушки на скамеечке умильно кивали на Спинозу:

– Хороший какой мальчик. Культурный... Благородного воспитания ребенок... Родителям радость-то какая!

Облезлая черная кошка с белым пятном на носу неодобительно оглядела разоренную песочницу. «Вот так всегда, – подумала она. – Не успеешь присмотреть себе местечко, его тут же захватят другие». Она повернулась и побрела в другой конец двора.

– Вить, а Вить! – дернул Спинозу за штанину боевого вида малыш по кличке Чукигек. – А чего мы строим?

– Пирамиду! – сердито сказал Спиноза.

– Вить, а Вить, а зачем? – продолжал допытываться Чукигек.

– Для эксперимента. Отстань!

– А что такое – эксперимент?

– ...Несущие конструкции... – Витя взялся рукой за подбородок.

– А что такое несущие? – не отставал любознательный малыш. – А что такое конструкции?

Взгляд Спинозы просветлел.

– Палки! Мне нужны палки! Побольше и подлиннее! Кто найдет, тому дам потрогать чучело орла!

Малышня врассыпную разбежалась по двору.

– На помойке ищите! – крикнул им вслед Спиноза. – Там есть все!

– Витя, а зачем тебе палки? – Чукигек вернулся первым. – А такая годится?

– Маловата, – и Спиноза небрежно отбросил в сторону скрипичный смычок.

Чукигек исчез и через минуту появился снова:

– А эта? – он протянул Вите смычок от контрабаса.

– Коротковата, – покачал головой Спиноза.

– А может, крышка от пианино подойдет? – с надеждой спросил малыш. – Пойдем со мной, я ее сам не донесу.

– погоди, – только сейчас спохватился экспериментатор. – Ты где все это взял?

Чукигек небрежно махнул рукой:

– У нас дома таких штучек полно. Еще флейта-пикколо есть. Мама хочет, чтоб я этим стал... как его... Ну, который ребенок умный-преумный и на всех инструментах играет.

– Академиком, – кивнул Витя. – Знаешь, лучше отнеси все это.

– На помойку? – малыш с готовностью подхватил смычки.

– Домой, – строго приказал Спиноза.

– Домой! – высунулась из окна Чукигекова мама. – Лапушка, беги домой! Тебе нужно повторить гаммы!

Чукигек тяжело вздохнул и побрел к подъезду.

– Пирамиду достроить не дадут, – ворчал он, волоча за собой смычки и завистливо поглядывая на других малышей, которые возвращались к песочнице с трофеями.

– Молодцы, – хвалил их Спиноза, сортируя строительные материалы.

Натасканного добра хватило бы на десяток пирамид. Особо ценной добычей оказалась старая раскладушка. Разогнуть бы все эти трубки – и пирамиду до вечера можно построить. Спиноза поднатужился и тут услышал за спиной голос Петули:

– Ты чего мою раскладушку ломаешь?

Витя растерянно поправил очки:

– Разве она твоя? Ее на помойке нашли.

– Моя, – Петуля сплюнул, – и помойка моя, и все на помойке мое. – Он дернул раскладушку к себе.

– А вот и нет! – хором закричали малыши. – Ее из десятой квартиры выкинули.

Спиноза крепче вцепился в алюминиевую перекладину.

– Отдавай, блин! – тянул к себе Петуля.

– Раскладушка принадлежит науке! – не сдавался Спиноза.

– Это наша! – вопили малыши. – Мы ее нашли!

Услышав во дворе шум, Геракл оторвалась от телевизора и выглянула в окно. Петуля теснил Спинозу раскладушкой. Витя отчаянно сопротивлялся.

Катя кубарем скатилась по лестнице. Петуля не успел оглянуться, как оказался на земле. Спиноза лежал рядом, судорожно прижимая к себе спасенный трофей.

– Спасибо, Катя, – сдержанно поблагодарил он, убирая с носа пружину.

– Блин, – простонал Петуля, потирая ушибленные места.

– Вали отсюда, – спокойно посоветовала ему Геракл, поднимая Спинозу вместе с несущими конструкциями будущей пирамиды.

Петуля встал и, прихрамывая, заковылял в сторону.

– Что, отличничка себе кадришь? – крикнул он с приличного расстояния. – Втрескалась небось в этого зануду очкастого!

Спиноза покраснел.

– Что-о? – Катя сделала шаг по направлению к противнику. – А ну повтори, что ты сказал!

– И повторю! – закричал Петуля, спасаясь бегством. – Вы у меня еще увидите, козлы!

– Ну, я пошла, – сказала Геракл, не глядя на Спинозу. И не тронулась с места.

– Еще раз благодарю, – уставясь в песок, отозвался Витя.

– Ну, до свидания, – Катя переступила с ноги на ногу. И посмотрела в небо.

– Все доброго, – Спиноза поковырял носком песок.

– Тренировка скоро, – светским тоном сообщила Геракл непонятно кому.

– Я тоже занят, – Витя поднял то, что осталось от раскладки, и попытался разогнуть трубки.

Несколько минут Катя смотрела, как он борется с металлом. И наконец не выдержала:

– Давай сюда.

– Что ты?.. Я сам... – пробормотал Спиноза, протягивая ей алюминиевый каркас. – Тут у меня метки...

Через две минуты легкие, полые и идеально ровные трубки были аккуратно сложены около песочницы.

Спиноза утер со лба пот.

– Не знаю, что бы я без тебя делал... Ты извини, я погорячился.

– Я тоже беру свои слова обратно, – Катя смущенно поплевала на запыленные ладони. – Ладно, чего еще поломать, разогнуть? На тренировку я уже опоздала...

Работа закипела. Спиноза бегал вокруг песочницы и отдавал распоряжения. А Геракл могучей рукой сжимала верхушку будущей пирамиды.

– Нет, не так, – мальчик слегка поправил ее кулак. – Тут главное – угол.

– Какой еще угол? – удивилась Катя.

– Наклона, – объяснил Витя. – Это в пирамиде основное. – Он обмотал трубки веревкой. – Ну и, конечно, ориентация

граней по сторонам света. В этом отношении нашей песочнице нет равных.

– Ага, – на всякий случай подтвердила Геракл. – Но, может, сделать ее повыше, пирамиду твою? Если ты тут жить собираешься.

Спиноза снисходительно улыбнулся.

– В пирамиде, Катя, не живут. В ней только спят. Вечным сном, – торжественно заключил он.

Девочка побледнела и испуганно отшатнулась.

– А что, кто-то умер? И хоронить будут здесь, не на кладбище? Ой, я лучше пойду...

– Останься, Катя, – тихо попросил мальчик. – Я тебе все объясню.

Геракл в нерешительности остановилась:

– Я еще уроки не сделала...

Она опасливо покосилась по сторонам, но гроба нигде не заметила.

Только из окна Чукигековой квартиры вдруг раздались мощные аккорды басовых клавиш, громкий детский плач и истерический женский крик:

– Ты меня в могилу сведешь, бездарь!

Письма Шампольона брату

. Послание первое

Александрия, 5 августа 1828 года.

Любезный брат мой и друг!

Итак, моя научная экспедиция прибыла в Страну пирамид, и наши корабли «Исида» и «Хатор» пришвартовались в Александрии.

Я поцеловал египетскую землю, впервые ступив на нее после многолетнего нетерпеливого ожидания. И немедленно направился в Рашид, более известный как Розетта. На том самом месте, где был найден Розеттский камень, возблагодарил египетских жрецов за надпись, которая сыграла исключительную роль в расшифровке иероглифов.

Много в этих краях необычного. Но более всего поражают воображение гигантские усыпальницы египетских царей. (...) Чем более приближаешься к пирамиде, тем менее заметен наклон ее граней, и кажется, что перед глазами вырастает огромная ровная стена. Если на современного цивилизованного человека эти гигантские сооружения производят столь ошеломительное впечатление, то можно себе представить, какое чувство восхищения вызывали они у древнего египтянина. (...)

Сомневаешься порой, что такое монументальное строение под силу воздвигнуть слабым человеческим рукам. Чудится, будто это огромный каменный сфинкс разбросал свои игрушки перед тем, как лечь отдохнуть на несколько тысячелетий. Но нет, любезный брат мой! Не в беспорядке разбросаны пирамиды по бескрайней песчаной пустыне. Все они построены по строгому плану на левом берегу Нила.

Грани фараонских усыпальниц указывают, подобно компасу, север и юг, запад и восток. Стены выстроены под определенным наклоном. Здесь прослеживается какой-то умысел, но что сие означает, для меня пока остается загадкой. Молю Бога, чтобы Он дал мне сил и здоровья разгадать ее.

Глава 4. Кошка сдохла, хвост облез

– Так вот, Катя, – подытожил Спиноза, – загадка древних пирамид не разгадана до сих пор.

– Да уж, – Геракл мало что поняла из витиеватых научных объяснений. – Конечно уж...

– Правда, интересно? – обрадовался Спиноза. – А что такое пирамида как геометрическое тело?

– М-м-м, – неопределенно протянула Катя.

– Вот я недавно прочитал в журнале «Отдохни», какие эксперименты проводил один ученый. Он построил у себя в комнате пирамиду и стал в ней спать. И знаешь, как хорошо высыпался?!

Геракл пожала плечами:

– А меня без всякой пирамиды из пушки не разбудишь.

– Катя, как ты не понимаешь?! – Спиноза так разволновался, что у него запотели очки. – Ученый до этого страдал бессонницей. И потом, он лезвия точил.

– Какие еще лезвия?

– Обыкновенные. Которыми бреются. Как лезвие затупится, он его хватъ – и в пирамиду картонную. Назавтра лезвие как новенькое.

В глазах девочки мелькнул интерес:

– Может, ножи так попробовать? Ножницы? А то мы с мамой знаешь как мучаемся...

– И попробуем, обязательно попробуем! – с энтузиазмом пообещал Витя. – Вот только достроим. Ну-ка, поддержи опять.

Пока малыши таскали к стройплощадке ящики от ближайшего магазина, каркас был готов. И вскоре посреди двора поднялось странное сооружение. Из окна Чукигековой квартиры раздались звуки бравурного марша. Спиноза удовлетворенно отряхнул колени.

– Ну вот. Можно приступать к эксперименту.

Катя обошла пирамиду вокруг, окидывая работу хозяйским взглядом.

– А куда ножи совать будем? – вдруг озадаченно спросила она.

Тут только Витя обнаружил, что допустил серьезный инженерный просчет.

– Без окон, без дверей! – радостно запищали малыши.

Спиноза смущенно протер очки.

Не дожидаясь распоряжений главного проектировщика, Геракл одним ударом кулака проделала дыру в ближайшей стене. Оставалось только расширить вход.

– Готово! – объявила Катя. – Сейчас ножи принесу и ножницы. Слушай, а пилку маникюрную тоже можно?

– Конечно, – согласился Спиноза. – Только, пожалуйста, побыстрее. Я сгораю от нетерпения.

Но не успела Геракл сделать и двух шагов, как из своего подъезда показался рыдающий Чукигек. В вытянутой руке

он нес за хвост черную кошку. Голова ее бессильно моталась из стороны в сторону.

– Не мучай животное! – подскочила к нему девочка. – Садист малолетний! Отпусти!

Чукигек поднял заплаканное лицо.

– Сдохла, – всхлипнул он.

Потрясенные малыши дружно заревели.

– Как это – сдохла? – опешила Геракл. – Она недавно живая была!

Спиноза молча подошел к Чукигеку и осмотрел кошку.

– Пульс не прощупывается, – констатировал Витя. – Дыхание отсутствует. К сожалению, медицина тут бессильна.

– А какая она была хорошая! – запричитал сквозь слезы Чукигек. – Несчастная такая, одинокая... Без семьи, без друзей... Дашь ей котлетку, она так обрадуется... Бедная киска!

У Геракла тоже предательски засвербило в носу. Она чихнула и грустно заметила:

– Такова жизнь. Похоронить бы ее по-человечески...

Глаза у Спинозы загорелись фанатичным желтым огнем.

– Я даже знаю где, – таинственно произнес он. – Вот здесь.

Все посмотрели на дыру в пирамиде.

– А эксперимент как же? – напомнила Геракл.

– Это и будет, Катя, самый настоящий научный эксперимент. Мы похороним ее как фараона! Да что там! Мы похороним ее как кошку...

Малыши перестали плакать. Катя тоже уставилась на Спи-

нозу.

Витя солидно прошелся туда-сюда.

– Видите ли, друзья, в Древнем Египте кошку обожествляли наряду с другими животными. В случае ее кончины в доме объявлялся траур, и все члены семьи сбрасывали себе брови.

– От горя? – уточнил Чукигек.

Спиноза кивнул:

– Можно сказать и так. Труп покойной увозили в город Бубаст, на специальное кошачье кладбище. Там ее бальзамировали, укладывали в саркофаг. То есть в гроб такой каменный... – Витя немного подумал и пояснил для малышей: – Даже в несколько гробов, вложенных один в другой...

– Как матрешки, – сообразил Чукигек.

– ...И хоронили, – закончил Спиноза. – Тащите с помойки гробы!

Усопшая, не подозревая об оказанных ей посмертных почестях, лежала в коробке из-под обуви, мирно сложив на груди передние лапки. Малыши сплели венок из одуванчиков, и Катя заботливо украсила им облезлое тело.

– Накрывать? – тихо спросила она, держа наготове картонную крышку.

– Подождите! – закричал Чукигек и припустил к дому. – Я сейчас!

Его не было довольно долго. Малышам надоело ждать, и они начали потихоньку разбредаться. У саркофага остались

только Спиноза и Катя. Наконец, появился Чукигек. Он сжимал в кулаке холодную котлету.

– Положи в гроб, – попросил он Геракла. – Киска их так любила.

Катя скорбно пристроила котлету среди одуванчиков на тощем кошачьем пузе, и крышка навеки закрыла острую мордочку с белым пятнышком на носу.

Спиноза бережно уложил гроб в упаковку из-под радиоприемника.

– Пам-пам-пам-пам, па-ба, па-ба, па-ба-пам... – дрожащим голосом пропел Чукигек.

– Что это с тобой?! – вдруг закричала Геракл, нарушая торжественность момента.

Оркестр перестал играть.

– Где? – испугался малыш.

– Вот именно, где? Где твои брови?

– А, – успокоился Чукигек. – Сбрил. Папиной бритвой. От горя. Пам-пам-ба-пам... – снова загудел он.

– Ну и попадет же тебе, – заметила Катя, укладывая коробку в ящик из-под апельсинов.

Спиноза затолкал саркофаг вглубь пирамиды и двумя досочками крест-накрест заколотил вход.

– А табличка? – напомнила девочка. – На могилах всегда пишут, кто лежит, когда родился, когда умер...

– Так про покойницу ничего не известно, – растерялся Витя. – Кроме, конечно, даты смерти.

– И про котлеты, – вмешался безбровый Чукигек.

– Этого мало, – возразил Спиноза. – Как ее звали?

– Никак, – вздохнул малыш. – Просто киска.

– Без имени нельзя, – строго сказала Катя. – Пускай будет

Васька.

– Катя, но это же мужское имя, – укоризненно заметил Спиноза. – А она была женщина.

– Ну пускай тогда Баська, – не растерялась Геракл. – Так и напиши.

Спиноза задумался. Потом взял картонку почище и начертал на ней красным фломастером, который всегда таскал с собой в кармане:

«Здесь спит вечным сном экспериментальная кошка Баська, которая очень любила котлеты и умерла 4 мая 2011 года. Покойся в мире. Наука тебя не забудет, как собаку Павлова. От безутешных друзей со двора».

Глава 5. Пространственный канал

В скорбном молчании Геракл стояла у доски. Карга постукивала указкой по столу:

– Ну, Волосюк, мы ждем...

Катя выразительно посмотрела на Спинозу. Он беззвучно зашевелил губами и стал делать какие-то знаки.

– Ага, – Катя взяла мел и начертила прямоугольник.

– Это уже лучше, – ехидно улыбнулась Карга.

Геракл обрадовалась. Кажется, она попала в точку. И уже смелее приписала по углам латинские буквы А, В, С, D.

– Какая способная ученица! – ласково произнесла Марь Иванна, что не сулило ничего доброго. – Только она немножко путает алгебру с геометрией. Какой у нас сейчас урок, Волосюк?

– Ваш, – уверенно сообщила Катя.

– А оценка твоя! – сверкнула золотыми зубами классная руководительница.

В этот момент дверь без стука распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся Чукигек. Двумя руками он с трудом удерживал потрепанный ранец, весь обклеенный картинками от жвачек.

– Что это за явление Христа народу? – важно поинтересовалась Карга.

– Вот, – Чукигек бросил ранец к ее ногам. – Я у могилы

нашел.

– У какой могилы? – взревела Карга. – Мальчик, ты хоть понимаешь, куда пришел? В шко-олу!

– А я не к тебе, тетя, – объяснил малыш. – Я вот к нему, – он показал пальцем на Спинозу. – Вить, там твоя пирамида взорвалась.

Спиноза побледнел:

– Как взорвалась?

– Не знаю, – Чукигек поковырял в носу и аккуратно вытер палец о штаны. – Там что-то хлопнуло, и дым повалил. Я прибежал и нашел вот это, – он стукнул ногой по ранцу.

Спиноза медленно поднялся из-за парты:

– Она сгорела?

– Пирамида-то? Нет, стоит, только немножко покривилась.

– Корнецов! – впервые в жизни Карга назвала Спинозу по фамилии. – Что происходит? Это тебе не гостиная гостей принимать, это классная комната! И урок идет, между прочим! Мальчик, вон отсюда!

– Петуля! – вдруг так и подскочила Геракл. – Это его ранец!

– Ну вот, – обреченно произнес Спиноза. – Я так и знал. Я предчувствовал.

– Точно, Петуля, – повторила Катя. – Он отомстить обещал. Где он, гад этот?

Карга всем телом надвинулась на безбрового Чукигека.

– Да, где Петуля? Почему он не на занятиях?

Малыш подтянул штаны и шмыгнул носом.

– Пропал. Как залез туда, так больше и не вылезал. Наверное, подвзорвался. Я в дырочку посмотрел – ни кискиного гроба нет, никого...

Марь Иванна побагровела:

– Несчастный случай? ЧП в учебное время? Да вы знаете, что за это бывает?

Она взглянула на часы:

– Скоро звонок. Все остаются на местах. И никому ни слова, ни-ко-му. Буланова – за мной! Мальчик, – Карга цепко схватила Чукигека за руку, – веди!

Класс загудел. Геракл и Спиноза, не сговариваясь, бросились к окну. Как только Карга с Булановой и безбровым Чукигеком скрылись за поворотом, ребята выскочили на улицу.

– Сюда! – Катя поволокла Спинозу к пролому в заборе. – Быстрее! Надо их опередить!

– Постой! – Витя наклонился, беспомощно ощупывая землю под ногами. – Очки! Я уронил очки!

– Догоняй! – и Геракл помчалась вперед с хорошей спринтерской скоростью.

Во дворе было пусто. Если не считать Булановой, которая коротала время с Чукигеком.

– Эх, Спиноза, Спиноза... Не успели... – огорченно подумала Катя. – А где Карга? – поинтересовалась она вслух, оглядывая немного покосившуюся, но все еще крепкую пи-

рамиду. Оторванные дощечки и Баськина надгробная табличка валялись рядом.

– Там, – Чукигек показал в дыру. – Петулю ищет. Живого или мертвого.

– А ты почему ушла из школы? – прищурилась Буланова. – Я Марь Иванне все расскажу.

– Чего еще от тебя ждать? – отмахнулась Геракл, заглядывая внутрь. Там было темно и пусто. – А где, интересно, гроб? – Катя опустила на четвереньки и забралась в пирамиду. – Странно, – донесся оттуда ее голос. – Куда же она...

– Ну вот, – удовлетворенно сказала Буланова. – Теперь Марь Иванна сама увидит, что Волосюк ушла без спросу. Так о чем я тебе рассказывала?

– Об объектах, – отозвался Чукигек, – которые летают, но их никто не узнает.

– Вот и я говорю. Экстрасенсы доказали, что НЛО...
На Буланову с разбегу налетел Спиноза.

– Еще один прогульщик, – хладнокровно отметила Таня. – Полежай, полежай, Витечка. Там уже подружка твоя с Марь Ивановой беседует...

Спиноза с опаской засунулся в черную дыру.

– Но там же нет никого! – с восторгом закричал он, высываясь обратно. – Эксперимент удался!

– Ну конечно, – подтвердил Чукигек, – они все там пропали. Это как бы подземный ход.

– Гениально! – от избытка чувств Витя хлопнул Буланову

по плечу. – Ты понимаешь, Таня? Как это раньше мне в голову не приходило? Пространственный канал! Аномальная зона!

Он проворно залез в пирамиду и пропал.

Буланова проводила его изумленным взглядом.

– Четвертый, – на пальцах подсчитал Чукигек. – У меня еще один остался, – он показал Тане мизинчик. – Полезешь?

– Я что – ненормальная? – пожала плечами Буланова. – Еще попаду куда-нибудь, а у меня уроки не сделаны.

Она подобрала с земли длинную палку и потыкала ею в дыру. Раздался легкий щелчок, и палка растаяла в Таниной ладони.

– Вот видишь!

– Вижу! – глаза у Чукигека загорелись. Он опустился на корточки.

– Лапушка! – раздался из окна пронзительный женский голос. – Домой! Пора разучивать этюд!

Чукигек тоскливо посмотрел в таинственное черное чрево и встал на ноги.

– Вот так всегда, – пожаловался он. – Только начнется самое интересное, а из человека уже академика делают.

И растворился в темноте подъезда.

Буланова обошла пирамиду со всех сторон.

– Аномальная зона, – повторила она слова Корнецова. – И чего они туда полезли? Ее наблюдать надо, а не ставить эксперименты на людях.

Таня сбегала к себе на пятый этаж, вынула из маминого рукоделия вязальную спицу, согнула ее под прямым углом и вернулась к песочнице.

— Биорамка готова, — объявила она сама себе, основательно усаживаясь на скамеечку. — Буду изучать загадочные явления. А уроки... Что уроки? Все равно Карга пропала...

Письма Шампольона брату. Послание второе

Гиза, 9 сентября 1828 года.

Любезный брат мой!

Среди местных жителей имеет хождение великое множество разнообразных верований и легенд, связанных с пирамидами. Порою они довольно нелепы и смехотворны, но чаще всего основываются на какой-либо реальной подоплеке.

Египтяне утверждают, будто бы древние строители обладали какими-то особыми, сокровенными знаниями. И в самой конструкции древних усыпальниц якобы зашифровали (...). Разумеется, как человек девятнадцатого столетия я не верю подобным рассказам, но как исследователь не имею права отбрасывать самые невероятные версии. Если древние зодчие сумели воздвигнуть такие колоссальные сооружения, не исключена возможность, что они вложили в эти совершенные пропорции математические, астрономические,

географические и прочие открытия своего времени.

Теперь ты понимаешь, насколько важной мне представляется задача прочесть и истолковать загадочные знаки, которые украшают стены гробниц, стелы и папирусы. О да, дорогой Жак Жозеф, я говорю об иероглифах. Это тот ключ, которым можно открыть любую тайну одной из величайших цивилизаций прошлого.

Часть вторая

Глава 1. Ах, привидение!

Обливаясь потом, лавируя между каменными глыбами, рабы несли тяжелые носилки. Потом затормозили.

– Спасибо, ребята!– сердечно поблагодарил их крупный мужчина с намечающейся лысиной. Он с трудом слез с носилок и промокнул льняным передником лоб и шею.

– Жарко сегодня, – пожаловался он. – Неважно себя чувствую.

– Выпить надо, Жизнь-Здоровье-Сила, – подсказал Носитель Опахала.

Не обращая внимания на его слова, мужчина уверенной поступью направился к стройплощадке.

Работа кипела вовсю. Затянувшийся на двадцать лет долгострой приближался к завершению. Пирамида походила на огромный муравейник. По длинной насыпи сновали вольнонаемные и рабы. Мастера усердно трудились. Начальники участков зычными голосами отдавали распоряжения. Надсмотрщики зорко следили за подопечными: подгоняли палками ленивых, наказывали халтурщиков, вели учет и контроль стройматериалов.

Мужчина оглядел объект и остался доволен.

– Стройка века, – задумчиво сказал он. – Я бы даже сказал, веков.

Потом вынул из-за пояса вчерашний выпуск «Нильских новостей», развернул свиток и близоруко поднес к глазам.

– Все боится времени, а время боится пирамид, – медленно, смакуя каждый иероглиф, прочел мужчина, заткнул папирус обратно за пояс и заметил: – Хорошо сказано, Хепсшаг побери.

Тут, наконец, его увидели. И как от камня, брошенного в воду, по толпе понеслось волнами:

– Фараон! Великий Хнумхуфу! Чтоб он был нам здоров, жив и невредим!

Рабочие, надсмотрщики и начальники участков побросали инструменты и плетки и пали ниц. С верхних этажей пирамиды скатились две-три каменные глыбы весом по шесть быков каждая. Никого, к счастью, не задавило.

– Не надо этого культа личности, – милостиво махнул рукой фараон. – Продолжайте работу, ребята. Главного Архитектора ко мне!

В мгновение ока перед Великим Хуфу словно из-под земли вырос зодчий Хемиун:

– Вызывали, Жизнь-Здоровье-Сила?

И он отряхнул руки от каменной крошки.

– Образец облицовки, – потребовал фараон.

– А как же, – Хемиун щелкнул пальцами, и два раба подтащили к начальству плоскую каменную плиту.

– Темновата, – поморщился Хуфу. – Слишком мрачно, ты не находишь?

– Так это же для загробной жизни, дядюшка, – стал оправдываться Хемиун. – Должно соответствовать печальности момента. И потом, смотрите, какое качество! А полировка? Это будет не гробница, а лялечка.

Фараон задумчиво поплевал на палец и провел им по идеально гладкой поверхности.

– Посветлее, мне кажется, лучше, – с сожалением сказал он. – К тому же покойный, то есть я, отличался веселым жизнерадостным характером.

И, довольный своей шуткой, Хуфу улыбнулся:

– Давай пустим что-нибудь порозовее.

– Добрый Бог, Великий Господин! – на коленях подполз по горячему песку Старший Надсмотрщик. – У нас проблемы. Рабы падают в обморок, не говоря уж о вольнонаемных. С утра не завезли воду. Кроме того, двенадцать бригад простаивают: на западную сторону не подали стройматериалы.

– Гиены пятнистые! – выругался фараон. – Как не подали? Как не подвезли? Ух, и получит у меня палок Руководитель Перевозок! Я ему, неплодородному, с утра сказал: подъехать в каменоломни и распорядиться насчет блоков на запад. Вот ведь мозги дырявые! Уволю к Апоповой матери!

Он обернулся к племяннику и пожаловался:

– Видишь, Хемиун, каково нам, фараонам, приходится? Крутишься с утра до вечера, а толку никакого. Понадеяться

буквально не на кого. Все вопросы нужно решать самому.

Зодчий потупил взгляд. Он чувствовал себя неловко, хотя дядя ругал вовсе не его.

– Обед хоть рабочим привезли? – грозно спросил Хуфу. – Чем сегодня людей кормить?

Надсмотрщик загнул мизинец:

– На первое – вяленая рыба, на второе – лепешки...

– Вчерашние? – уточнил фараон.

– Позавчерашние, – успокоил его Надсмотрщик. – Черствые уже.

– Хорошо, – кивнул Хуфу. – Из овощей что?

Надсмотрщик пугливо покосился на Хемиуна.

– Фасоль? – неуверенно сказал он.

Главный Архитектор кивнул:

– А также – редька, тыква, огурец... Что там еще?

Фараон недоверчиво посмотрел на племянника.

– Точно? Не врешь? – переспросил он. Уже не раз бывали случаи, когда овощи уходили налево.

– Клянусь Аписом! – не моргнув глазом соврал Хемиун.

– Смотри у меня, – пригрозил Хуфу. – Начнут рабочие болеть – шкуру спущу. Включи в дневной рацион лук и чеснок – для профилактики. А лидерам к концу смены поставь пиво за мой счет. И повели отразить на каменной стеле, сколько всего съели и выпили за двадцать лет строительства. Та-ак... – пот градом катил по его лицу. – Какие еще вопросы?

– По строительству Великой_Пирамиды все вопросы на

сегодня закрыты, — доложил из-за спины фараона Секретарь-Писец, пробежав глазами дежурный папирус. — Тут только домашние и государственные дела. Но... — он с трудом разобрал небрежно нацарапанный иероглиф. — К вам на сегодня записалась депутация из жрецов.

— Пта! — стукнул себя по лбу фараон. — Совсем забыл! Надо пир на вечер заказать. Запиши и отправь во дворец курьера. Который час?

Хемиун воткнул в песок измерительную палку и изучил ее тень.

— Двадцать семь — сорок две минуты четвертого, дядя. Часы немножко отстают, потому что здесь наклон.

Хуфу сокрушенно покачал головой:

— Ну вот. Не успеваю царице новые сандалии заказать. Опять скандал будет. Слышь, Хемиун, у тебя транспорт какой есть? Тогда я на твоих носилках поеду, а свои pošлю к купцам из Джахи за обувью.

Вдруг фараон подпрыгнул. Песок под его ногами зашевелился.

— Что такое? — Хуфу испуганно отскочил в сторону.

— Диверсия! — побледнел Хемиун. И тоже отпрыгнул.

— Ящерица, — успокоил Надсмотрщик. — У нас этих тварей хватает.

В песке образовалась небольшая воронка. Она пульсировала и расширялась.

— Или суслик, — задумчиво предположил Секретарь-Пи-

сец, большой любитель и знаток природы родного края. – А может, крот?

В этот момент из песка высунулась человеческая рука со скрюченными пальцами. Хуфу успокоился:

– А, казнили здесь кого-то... Что ж так плохо закопали?

Хемиун покачал головой:

– Да у нас с прошлого Разлива никого серьезно не наказывали. Палками побьем маленько – и все дела.

Рука пошевелила пальцами и начала быстро вытягиваться вверх. Мужчины внимательно смотрели на нее. Она была какая-то нездешняя. Особенно ногти. Длинные, ярко-красные, будто на них запеклась кровь.

– Может, это грешник из Дуат? – высказал свою версию Секретарь-Писец. – В старых папирусах упоминаются привидения, в которые превращаются неуспокоившиеся «Ах». Обычно они появляются в домах, во дворцах, бродят около мастаб. Притом исключительно ночью. Но чтобы днем и среди песков...

Из воронки показалась лиловая макушка. Рука взбила на ней волосы. И вот уже вылезли лицо, шея, плечи... Привидение отряхнулось, раскрыло рот, и его зубы ослепительно блеснули.

– Ах! – отшатнулись мужчины.

– Здравствуйте, граждане! – отплевываясь от песка, бодро произнесло неизвестное существо.

– Не «Ах», – разочарованно вздохнул Секретарь-Писец. –

Далеко не ах!

– Ваши замечания прошу оставить при себе, – существо одернуло тусклые одежды странного покроя. – Перед вами педагог. Кстати, что вы себе позволяете? Почему расхаживаете в общественных местах в таком расхристанном виде? Какой пример вы подаете подрастающему поколению?

Фараон и Хемиун недоуменно переглянулись. Хуфу важно расправил складки передника и выпятил живот:

– Знаешь ли ты, кто перед тобою?

Привидение смирило его презрительным взглядом и засушило руки в отверстия по бокам одежд.

– Фигляр! – презрительно бросило оно. – Клоун! Вам, гражданин, в цирке работать, а не на производстве. Я побеседую с вашим начальством.

Хуфу нахмурился. Привидение, конечно, живет по законам загробного мира, но как бывший человек обязано знать, что над фараоном нет иного начальства, кроме Великого Ра. Всыпать бы призраку сотню палок или бросить на съедение крокодилам, но ведь он бесплотен... Хнумхуфу повернулся к Секретарю-Писцу:

– Запиши афоризм: двум смертям не бывать, а одной не миновать. И популярно объясни этому «Ах», кто тут начальник.

– Падай в ноги Великому Фараону! – побагровев, закричал Надсмотрщик. – И моли о пощаде!

– По какому праву! – взвизгнуло привидение. – Я не поз-

волю попирать свое человеческое достоинство! Куда я попала, что за средневековое такое?

Секретарь-Писец, который лихорадочно стенографировал все происходящее, вдруг оторвался от свитка и круглыми глазами уставился на загадочное существо. Привидение продолжало вопить:

– Вот оно – отношение к педагогам! Сеешь, понимаете ли, разумное, доброе, вечное, а отдачи от общества никакой! Где это видано – чтобы в начале двадцать первого века учителю предлагали падать в ноги?!

Секретарь-Писец задумчиво покусал кончик тростниковой палочки:

– Это не привидение. Это человек. Кажется, женщина. Только из другого времени. Пусть Великий Хуфу судит сам. Голова небритая. Кожа сероватая. Одевание из незнакомой нам ткани. А какие смешные сандалии! Носок закрыт, а на пятках еще по маленькой ножке. Зубы сделаны из чистого золота. А что за невразумительная речь!

Существо, которое до сих пор беспрерывно верещало, внезапно замолкло. Теперь оно с беспокойством озиралось по сторонам.

– Простите, господа, – голос призрака дрогнул. – Что это вы там строите?

– Великую Пирамиду, – гордо ответил Хемиун. – Чудо света.

– Между прочим, по моему заказу, – сдержанно добавил

фараон. – Мне здесь покоемся...

– А кто вы? – слабым голосом спросила неизвестная.

– Видный представитель четвертой династии Древнего царства, – отрекомендовался фараон. – Хнумхуфу.

– По-гречески – Хеопс, – подсказал Секретарь-Писец. – Но так Великого Владыку назовут значительно позже.

Фараон отступил на два шага назад и поощрительно улыбнулся незнакомке.

– Можешь поцеловать след моей ноги, – милостиво разрешил он. – Великий Дом не гневается, что ты не знаешь церемоний.

Существо беспомощно заморгало, похлопало себя по щекам и простонало:

– Где я?

– В Гизе, – ничто человеческое не было чуждо Великому Фараону. Хуфу искренне посочувствовал Золотым Зубам. – На Черной Земле. В Та-Кеме.

– В Египте, значит, опять-таки по-гречески, – уточнил Секретарь-Писец. – А сама-то откуда будешь?

Но женщина уже не слышала его.

– Боже мой! – ужаснулась она. – Как я сюда попала? А школа? Дети? Педсовет? Виза, наконец? У меня нет никаких документов... Две недели до каникул! Ах, Петуля, Петуля... Ну и в историю ты меня втравил!

И Марь Иванна горько зарыдала.

Глава 2. Великий Дом у себя дома

Несмотря на занятость, фараон лично проводил Марь Иванну на женскую половину дворца. В отведенной ей комнате было очень уютно. Везде висели шторочки, занавесочки, рюшечки и помпончики. Было много вазочек и статуэточек. На полочке выстроились в ряд золотые крокодильчики мал мала меньше.

– Располагайся как дома, – гостеприимно предложил Хуфу. – Нравится?

– Очень мило, – похвалила Карга. – Сразу видно, что ваша жена хорошая хозяйка.

– Сейчас я вас познакомлю, – пообещал Великий Дом. – Пойдем в Прохладительную Палату.

В полутемном покое и в самом деле было прохладнее, чем в остальных помещениях дворца. Какая-то женщина заботливо поправляла букет в вазе.

– Моя жена, – представил фараон.

– Очень приятно, – расцвела Карга. – У вас просто золотые руки. Всюду такой порядок. Так чисто и красиво.

– И мне очень приятно, – просияла царица. – Я столько о тебе слышала!

– Моя жена, – повторил Хуфу.

Карга недоуменно оглянулась. Болезненно морщась, в кресле полулежала женщина с цветущим румянцем на лице.

– Так это вы жена? – бросилась к ней Марь Иванна. – Очень приятно. Я говорю, руки у вас золотые...

– Ой, – простонала царица. – Мои бедные руки. Их так ломит... А ноги... И здесь, в правом боку, такое колотье...

– Моя жена, – еще раз сказал фараон, когда в дверь впорхнула улыбчивая молодайка в задорных кудряшках.

Лицо Марь Ивановны вытянулось.

– Здрасьте, – прошебетала молодайка, и в Прохладительной сразу стало тесно и шумно. – Так это тебя из песка выкопали, да? Вот ведь как бывает: идет человек, ничего не замечает, вдруг кто-то вылезает из-под земли... Бегемота можно родить, честное слово. Мне подруга недавно рассказывала такую историю...

– Помолчи, Кукушка, – поморщился Хнумхуфу. – Дай человеку в себя прийти.

– А я разве что-то говорю? – оскорбилась Кукушка. – Молчишь – плохо, говоришь – тоже плохо, тебе не угодить. Скажи лучше, сандалии принес?

– Привезут с минуты на минуту, – пообещал фараон.

– Ну вот, – Кукушка бурно задышала. – Я, видите ли, много разговариваю. А попросишь тебя что-нибудь сделать для дома – не дожدهшься. Посмотри, в каком старье я хожу! – и она кокетливо выставила вперед миниатюрную ножку в золоченом шлепанце.

– Ой, – донеслось из кресел, – тебе хорошо, а я вообще ничего не могу обуть – так все вспухло. Вот... уже и в ухе

стреляет...

– Ну что мы, сестры, все о печальном да о печальном, – женщина, хлопотавшая у вазы, небрежно выбросила за окно готовый букет и принялась составлять другую композицию. – Великий Господин весь день работал, устал и пришел домой не для того, чтобы выслушивать наши жалобы. Создадим ему условия для отдыха, уют, настроение... А за это, сестры, – она умильно покосилась на фараона, – Великий Дом будет нам благодарен и подарит много, много сандалий...

Карга растерянно переводила взгляд с одной женщины на другую.

– Уточните, гражданин царь, которая из них ваша настоящая, я хочу сказать, законная жена, – потребовала она.

Женщины рассмеялись.

– Все, – удивился фараон. – А что, мало? Но у нас как-то не принято иметь больше трех жен...

– Боже, какая дикость и отсталость! – ужаснулась Марь Иванна. – Держать в доме гарем!..

Хуфу обиделся:

– Жены – это святое. Царицы! А гарем у меня в отдельном флигельке...

Марь Иванна раскрыла рот, но ее опередила Кукушка:

– Так вот, сегодня я забежала в гарем, и что мне там рассказали!..

– О-хо-хо! – простонала больная. – Мне бы сил хоть до

постели добраться, не то что по гаремам бегать...

– Кстати, о постели, – ласково сказала жена с цветами. – Не желает ли прилечь Владыка Обеих Земель? Я так убрала его Спальные Покои...

Марь Иванна схватилась за голову.

Дверь отворилась.

– Девочки, к вам можно? – раздался чей-то бас, и тяжелой кавалерийской походкой в зал вступила низкорослая угрюмая женщина. – А, и ты тут, – бросила она фараону и похлопала его по плечу. – Все правишь?

Хнумхуфу просиял.

– Кемсит, – засуетился он. – Радость моя! Разреши представить тебе...

Кемсит небрежным жестом остановила его. Подойдя к Марь Иванне, она пренебрежительно оглядела гостью с головы до ног и процедила:

– Вкус тебе совсем изменил, Хуфуша. Где ты это выкопал?

– В песке, – с готовностью объяснил царь. – Около стройки. Секретарь-Писец говорит, что она откуда-то из другого времени.

– Хм, – пожала плечами Кемсит. – Ничего особенного. А ты уже на цыпочках перед ней бегаешь.

– Но позвольте! – возмутилась Карга. – В каком тоне вы беседуете с учителем?! Да и с фараоном тоже! Безобразие! Кто вы, собственно, такая?

Женщина расставила ноги и уперла руки в боки.

– Жрица я, – заявила она. – Служу богине любви. Небесной Хатор. Рога видишь? – Она наклонила голову, и Марь Ивана, в самом деле, разглядела среди копны волос маленькие рожки. – Так что – с кем как хочу, с тем так и говорю. А ты вообще молчи.

– Она права, – шепнула Карге на ухо царица с цветами. – Знаешь, какая Кемсит образованная? А талант!

– Дура она, – шепнула в другое ухо Кукушка, – но лучше с ней не связывайся...

– О-хо-хо... – простонала больная. – Извини, Кемсит, что сразу не приветствовала тебя, не могла языком пошевелить. И зубы ноют, сил нет...

Кемсит грузно свалилась в кресло и закинула ногу на ногу.

– Я слышала, сегодня к тебе собиралась депутация жрецов? – обратилась она к фараону. – Что им нужно?

Хуфу обреченно махнул рукой.

– Как обычно – жалуются. Говорят, из-за моей пирамиды у них возникли проблемы с рабочей силой, со стройматериалами, с жертвоприношениями...

– Врут, – мрачно изрекла Кемсит. – Интриганы паршивые. Все им мало. Ты знаешь, сколько получает Верховный жрец Пта? Мне такое и не снилось. Не на что ритуальные украшения купить.

– Я тебе подарю, – поспешно вставил Хуфу. – Хочешь наборный воротник с самоцветами?

– Она такая жадная, – шептала Кукушка на ухо Карге. –

Только прибеждается...

– Она такая бедная, – шептала в другое ухо царица с цветами. – Буквально всю себя отдает служению Хатор...

– Ой-ой-ой! – доносилось из кресел. – Поясница моя! Не могу разогнуться!

– Мне нужно поговорить с тобой конфиденциально, – значительно произнесла Кемсит, подмигивая фараону. – Без посторонних ушей, – и она выразительно покосилась на Марь Иванну.

– Пойдем в Дат, – вздохнул царь.

Но удалиться в кабинет они не успели. Где-то над головой раздался грохот, слышались истошные крики, и по лестнице кубарем скатился тщедушный человечек со счетами подмышкой. Он упал и так и остался лежать. А счеты с шелканьем подъехали прямо к ногам Хеопса.

– О Великий Дом! – взмолился человечек. – Обращаюсь к Владыке Обеих Земель как к Родителю. Сыновья фараона совсем от рук отбились. Я уже и не знаю, как на них воздействовать. Учиться не хотят, уроки отменяют, балуются. А я даже наказать их не могу. Записал Хефрену в дневник: «Мяукал на уроках». А он подделал подпись Великого Господина и наложил резолюцию: «Пусть мяукает и впредь».

– Хитер, сорванец! – с нескрываемой отцовской гордостью похвалил сына Хуфу. – Это ж надо так сообразить: пусть, мол, мяукает! – он растроганно улыбнулся. – А Реджедеф что?

– Тупица тупицей, да простит меня Великий Фараон. Задаю вопрос: какие бывают пустыни? Отвечает: «Узкие и колючие»!

– А какие бывают пустыни? – растерялся Хнумхуфу.

Человечек укоризненно поднял голову:

– Ну, Ваше Величество...

– Я... просто хотел проверить твои знания, – смутился фараон.

– Мне кажется, – продолжал Учитель, – это Хефрен дурно влияет на братишку. Подговорит его – а сам в кусты. Не далее, чем вчера, например, по его наущению Реджедеф натер доску крокодильим пометом. Я собирался объяснять новый материал, но вместо этого вынужден был мыть доску и Реджедефа...

Над головой гроыхнуло. Учитель затравленно посмотрел вверх.

– Выпороть их – и дело с концом, – мрачно произнесла Кемсит. – Сразу дурь вылетит.

– Позвольте, позвольте, – запротестовала Карга. – Это непедagogично. Есть же другие методы воспитания: убеждение, наглядный пример, работа с родителями, наконец...

– О Великий Родитель! – взвыл человечек. – Вели со-
слать меня в каменоломни! Прикажи убирать навоз из гарема священного Аписа! Я готов кормить с руки зубастого божественного Себека, только уволь меня по собственному желанию! Я больше не могу!

– Интересно! – возмутилась Кукушка. – А кто же будет учить наших мальчиков? Послушай, Хуфу, увеличь ему зарплату.

Учитель несколько раз ударил лбом об пол:

– Не корысти ради! Согласен жить на лепешках и пиве, только без этих детей!

– Никто не может с ними справиться, – сокрушенно вздохнула царица с цветами. – Удивительно! И Хефренчик, и Реждедефчик такие хорошие ребятки! В них так развито чувство прекрасного!

По лестнице с грохотом скатилась помятая бронзовая птица.

– Что делать? – развел руками фараон. – Ну потерпи еще немного! Некем тебя заменить. Все задействованы на стройке. Из грамотных во дворце только Секретарь-Писец, но у него, сам знаешь, слабые нервы.

– Руки на себя наложу! – в отчаянии пригрозил Учитель.

– Ну зачем же так, коллега, – мягко попеняла Карга. – Нельзя расписываться в своем педагогическом бессилии. Нет плохих учеников, есть плохие учителя. Кто это сказал? Песталоцци? Или, кажется, Ушинский? Впрочем, неважно. Представляю, коллега, что бы вы сказали, если бы у вас было не два ученика, а целых сорок, и среди них такие, как Петуля!

Кемсит с интересом посмотрела на Марь Иванну.

– А это идея, – воскликнула жрица. – Раз ты такая ум-

ная, то и займешься воспитанием наследников престола. Так ведь, Хуфуша?

– Конечно, – обрадовался фараон. – Если наша гостья не против.

– А что? – гордо выпрямилась Карга. – У меня, слава Богу, двадцатилетний опыт работы в школе. Я покажу вам, как справляться с трудными подростками.

– О-хо-хо! – вздохнула больная царица. – Они так шумят, так галдят. У меня просто голова раскалывается!

Учитель с благодарностью подполз к Карге и принялся целовать ее запыленные туфли.

– Век не забуду! – причитал он. – Спасительница!

Наверху зазвенели осколки.

– Приступай к своим обязанностям, – велела Кемсит, пристально глядя на Марь Иванну.

Та храбро ступила на лестницу.

– Да хранит тебя Пта! – крикнул ей вслед фараон.

– Здоровье береги! – донеслось из кресел.

Глава 3. «Прекратить немедленно!»

Марь Иванна деликатно постучалась в Комнату для Занятий.

– Здравствуйте, дети! Я ваша новая учительница! Надеюсь, мы с вами подру... – она открыла дверь и в нерешительности остановилась. В комнате было пусто.

– ...жимся, – машинально закончила она, делая шаг вперед. – Ай!

Откуда-то сверху полилась холодная вода.

– Безобразие! – взвизгнула Карга, задирая голову.

Над ее макушкой болталось хитроумное приспособление из палок, веревок и большого перевернутого кувшина. Кувшин угрожающе покачивался. Карга изловчилась и выпустила дверную ручку, одновременно отпрыгивая вбок. По полу разлетелись глиняные черепки.

– Черт знает что! – Марь Иванна отжала мокрые волосы. – Эй вы! Выходите немедленно!

По-прежнему никто не отзывался. Карга опасливо огляделась и вдруг обнаружила дыру в стене. Сквозь нее виднелась верхушки деревьев.

– Несчастный случай! – сообразила учительница, бросаясь к дыре. – Дети! Дети!

Она наполовину высунулась через пролом и едва не вывалилась наружу. Потому что сзади кто-то бережно приподнял

ее ноги, лишив таким образом точки опоры. Хорошо, Марь Иванна вовремя успела схватиться за выступ в стене. Далеко внизу по аллее расхаживали павлины. Два самца веерами раскрывали разноцветные переливающиеся хвосты, красуясь перед невзрачной самочкой.

– Немедленно отпустите! – заорала Карга.

И тут же почувствовала, что голова ее перевешивает, и сейчас она свалится прямо на павлинов.

– Сию же минуту втащите! – Марь Ивана лихорадочно цеплялась за кладку. – Слышите, что я говорю?!

Сзади раздалось хихиканье.

– Ну, деточки, ну, пожалуйста, – умоляла учительница, забыв о своем педагогическом достоинстве. – Ну, прошу вас...

Ее втянули внутрь. Марь Иванна бессильно опустилась на пол и принялась обмахиваться носовым платком.

На нее с любопытством смотрели две пары черных глаз.

– Здравствуйте, ребята, – отдышавшись, приветствовала Карга фараоновых сыновей. – Будем считать, что инцидента не было. Я понимаю ваше психологическое состояние. Подростки всегда болезненно реагируют на перемены...

– Перемена! – хором завопили мальчишки. – Ур-ра!

И они принялись радостно скакать вокруг мокрой и грязной Карги.

– Какая перемена? – Марь Иванна наконец пришла в себя. – Занятия еще даже не начались! О Господи!

Внимательнее присмотревшись к ученикам, она обнару-

жила, что они пришли на уроки в чем мать родила.

– Никакой цивилизации, – засокрушалась Карга. – Передайте отцу, чтобы он немедленно приобрел для вас школьную форму. Белый верх, темный низ. И что-нибудь на ноги. Столько матерей, а за детьми присмотреть некому!

– Ты щекотки боишься? – вдруг спросил мальчик постарше. – Прежний учитель боялся.

– Я ничего не боюсь, – Марь Иванна поднялась и одернула юбку. – Кроме невежества. А к взрослым нужно обращаться на «вы». Ой! Ой-ой-ой! Хи-хи-хи! Прекратите немедленно!

– А говорила, не боишься... – мальчик помладше обернулся к брату и удовлетворенно сказал: – Вот видишь, Хефрен, а ты волновался – новый учитель, новый учитель...

– Ну хватит, – оборвала Карга, задетая за живое. – Проведем переключку. В классе присутствуют два ученика. Значит, ты Хефрен, – она ткнула указкой в старшего.

– Не-а, – нагло глядя ей в глаза, сказал тот. – Я Ни-Сут-Бити.

– А я, – подхватил младший, – Нехебт-Уаджит.

– Как это? – захлопала глазами Марь Иванна. – Это фамилии ваши? Ну ладно. Расскажи... э-э-э... Нехебт...

– А я не Нехебт-Уаджит. Я – Са-Ра.

Учительница с трудом сдерживала себя.

– Вы мне голову не морочьте! – прошипела она. – Думаете время до звонка потянуть? Сейчас отца вызову!

– Какого отца? – ласково поинтересовались мальчики.

Карга оторопела. Может, здесь, в Древнем Египте, так принято: не только по несколько матерей, но и... отцов?

– Вашего, – неуверенно сказала она.

– Ра? – обрадовались ученики.

Тот, что помладше, выглянул в пролом, где вовсю сияло солнце.

– Папа! – окликнул он кого-то. – Великий Ра! Тебя вызывают в школу!

– Оставь, – прервал его старший. – Отец сейчас занят. Он светит.

Карга беспомощно переводила взгляд с одного мальчика на другого. Она совершенно запуталась в их матерях, отцах, именах и фамилиях.

– Ладно, – наконец, пробормотала учительница. – С этим разберемся позже. Перейдем к опросу. Что вы сейчас проходите? – Марь Иванна протянула указку к Реджедефу.

– По счету или по письму? – спросил тот.

– По математике, – поправила Карга.

Мальчишка охотно подошел к доске и принялся чертить какие-то непонятные знаки и крючки.

– Задача. Как вычислить параметры для строительства Священной Высоты? – бойко затараторил он. – Очень просто. Сто сорок локтей в основании и «секед» в пять ладоней и один палец. Делим один локоть на удвоенный «секед», что равно десяти ладоням и двум пальцам, или десяти и одной второй ладони. Умножаем десять и одну вторую, чтобы по-

лучить семь, потому что это – один локоть: семь – это две трети от десяти и одной второй. Производим действие со ста сорока, что есть сторона основания: две трети от ста сорока есть девяносто три и одна третья. Это и есть ее высота...

– Понятно, – испуганно пробормотала Марь Иванна. – А локоть... это что?..

– Один локоть равен семи ладоням, одна ладонь – четырьмя пальцам. Значит, один локоть равен двадцати восьми пальцам! – отчеканил Реджедеф и добавил: – Это каждый раб знает.

Учительница растерянно посмотрела на свою растопыренную пятерню.

– На письме локоть обозначается так, – объяснял между тем мальчик, рисуя на доске согнутую человеческую руку.

– Садись, отлично, – заикаясь, произнесла Карга. – На сегодня, пожалуй, хватит.

– Нет, не хватит! – возразил Хефрен. – Я тоже хочу отвечать. По географии.

– Ну, если ты так рвешься к доске, – впервые в своей практике Марь Ивана столкнулась с такой активностью на занятиях. – Пожалуйста...

– Когда я стану фараоном, – горячо заговорил мальчик, – то соберу своих джаму и отправлю их в Страну Пунт. Спрашивай, – вдруг потребовал он. – Где находится Страна Пунт?

– Где? – слабым голосом отозвалась учительница. – Где твой пункт?

– Они не пойдут прямо вперед, – уверенно заявил сын Хуфу. – Потому что там их ждут собачьи башмаки, страшные чудовища и бесплодные пески. Лучше всего отправляться на восход. Делать это надо после Поворота тени. На берегу Тростникового Моря рабы построят крепкие барки, и Мастер Паруса поведет их, избегая мелей и скал. Колесница Ночи будет ему поводырем. На выходе из Тростникового Моря следует пристать к берегу, запастись пресной водой и мясом антилоп.

– Там начинается Великая Дуга, – подсказал Реджедеф.

– Ага, – кивнул Хефрен. – Если плыть по ней пять времен года, то легко достигнешь Та-Нутер, Страны Духов. Там, у истоков Реки, и находится Пунт. Оттуда мои джаму привезут много золота и благовонных смол, драгоценные камни, длинные зубы больших носатых животных, веселых павианов и быстроногих пятнистых собак для царской охоты. И я построю себе пирамиду еще больше папиной. На две или даже на три аруры выше. И успокоюсь в ней навеки.

– Да что ты, деточка! – всполошилась Марь Иванна. – Тебе рано думать о кончине!

– Разве ты не знаешь, что каждый египтянин всю жизнь готовится к смерти? – удивился Хефрен. – Только после нее и начинается все самое интересное. Когда я попаду на небо, на поля Иару...

– А я уже начал строить пирамиду! – перебил брата Реджедеф. – Вот она! – он отодвинул ширму, и Карга поняла,

на что пошли кирпичи из разломанной стены. – Она пока маленькая, игрушечная. Зато в усыпальнице может поместиться человек. В полный рост. – И мальчик как-то странно посмотрел на учительницу.

Марь Иванне стало не по себе.

– Запишите домашнее задание, – торопливо сказала она.

– А нам не задают, – Хефрен обошел Каргу со всех сторон, беззастенчиво измеряя ее ладонью. – Мы все усваиваем на уроке. Сейчас у нас по расписанию бальзамирование.

– Что? – не поняла Марь Иванна. – Бальза... что?

– Потрошить тебя будем, – объяснил Реджедеф. – Чтoб не завонялась. Потом набьем тебя опилками, и тело хорошо сохранится для загробной жизни.

Карга попыталась улыбнуться, но это у нее получилось очень плохо.

– Вы шутите, дети, – пролепетала она. – Может, лучше устроим экскурсию на природу? Смотрите, как травка зеленеет, солнышко блестит.

Хефрен одним движением смахнул папирусы с учительского стола.

– На экскурсию мы и без тебя сходим. Полежай на разделочное ложе.

Из какого-то ящика он извлек большой каменный нож и профессионально поплевал на острие.

– Ты, Реджедеф, как будто жрец-отпевальщик, а я как будто жрец-потрошитель. Начинай.

– Раз, два, три, четыре, пять... – торжественно затянул Реджедеф, отбивая такт на голом пузе. – Резать можно начинать...

Хефрен взмахнул ножом.

– А-а-а! – страшным голосом закричала Марь Иванна.

Глава 4. Криминальная хроника

За завтраком Великий Хуфу обычно слушал Дворцовые Новости. Вот и сегодня, расправляясь с жареным пеликаном, фараон ткнул жирным пальцем в пупок раба-информатора.

—...ирамиды, — с полуслова включился тот. — Полным ходом идут строительные работы. Чудо света достигло уже двухсот пятидесяти локтей в высоту. Вчера после Поворота тени стройку века посетил сам Великий Бог. По его личному распоряжению лидеры производства получили в конце смены гуманитарную помощь — по хару вина на бригаду...

Хуфу поперхнулся недожеванным куском.

— Почему вина? Это накладно для казны. Речь шла о пиве! Ну, Хемиун!.. Разницу вычту из зарплаты.

— Вести с полей, — размеренно продолжал раб. — На две недели раньше срока хлеборобы Фаюмского оазиса завершили уборку зерновых. В закрома Верхней и Нижней родин ссыпано 358 артабов пшеницы и в два раза больше ячменя, чем в прошлом году. Вот что сообщает Начальник Жатвы Фаюмщины Монт-Каа...

В животе у информатора что-то щелкнуло, и он заговорил густым басом:

— Несмотря на неблагоприятные погодные условия, землепашцы добились значительных успехов. Благодаря запасам Меридова водохранилища в засушливый период они внед-

рили на полях местных хозяйств искусственное орошение, а жрецы Себека неустанными молитвами вызвали дождь...

– Врет, шакал, – поморщился Хуфу, отхлебывая из чаши молоко. – Фараон лично был там на днях. Никакого дождя и никакого искусственного орошения. Земля черствее позавчерашней лепешки. Давай другую программу. – И он дважды нажал на рабский пупок.

– Новости дворцовой жизни, – фальцетом сообщил раб. – Вчера Великий Дом принял депутацию мемфисских жрецов. В деловой конструктивной беседе были затронуты вопросы нехватки рабочих рук на строительстве храмов, финансовые проблемы, а также обсужден ряд актуальных задач, связанных с культом Великой Девятки. После приема Великим Фараоном IV династии Хнумхуфу был дан пир в честь Великого Фараона IV династии Хнумхуфу.

Вытянувшись в струнку, информатор фальшиво запел государственный гимн.

– С обзором культурных новостей вас познакомит Начальник Культуры и Искусства Дворца Нииматникипат.

Голос снова изменился.

– Выдающееся произведение джахийских обувщиков поднес в дар супругам Великий Сын Ра, да будет он жив, здоров и невредим! В ответной речи царицы поблагодарили Бога за заботу и выразили надежду на дальнейшее укрепление культурных связей с дружественными государствами. По заявкам Великих Супруг передаем музыкальный привет для

фараона. Песню «Я иду такая вся, в Дольче— Габана» исполняет придворный хор плакальщиц.

Из-за ширмы донеслись заунывные звуки.

— Хорошо поют, — вздохнул Хеопс, утирая передником уголок глаза. — Душевно. Спасибо, супруги и сестры мои, матери моих детей.

Песня смолкла.

— Криминальная хроника, — объявил раб-информатор. И своим собственным голосом доложил: — Сегодня утром, во время обхода Помещений дворцовая стража обнаружила тело неизвестной женщины. Связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту, она покоилась на столе в Комнате для Занятий. Царевичи клянутся, что видят ее впервые. Пострадавшей оказывается медицинская помощь.

Хуфу спал с лица.

— Ну, паршивцы! — прорычал он, вскакивая. — Я вам покажу!

И опрометью бросился вон.

Невыключенный раб проводил повелителя жалобным взглядом и тоскливо провещал:

— А теперь послушайте фрагменты из многосерийной мистерии «Осирис и Исида» в постановке труппы Мемфисского храма науки и искусства под покровительством Великого Пта. Действующие лица и исполнители...

Распростертая на кровати, с простой деревянной подставкой под головой, Марь Иванна металась в бреду. То ей ка-

залось, что вокруг сжимает кольцо добрый десяток фараоновых детей, и каждый заносит над ее беспомощным телом острый каменный нож. То вдруг она плыла куда-то на корабле, меряя палубу локтями. То кружили в хороводе царицы, осыпая ее цветами. То она проводила родительское собрание среди фараонов и требовала от них школьной формы. Неожиданно один из фараонов, сидевший за первой партой, встал и подошел прямо к учительскому столу.

– Ты жива еще, моя старушка? – обеспокоенно спросил он, кладя ладонь ей на лоб.

Карга очнулась. Над ней склонился Хуфу.

– А где остальные отцы? – слабым голосом спросила классная руководительница.

Хеопс оглянулся.

– Не понял. Какие еще отцы?

– Ваших детей, Хефрена и Реджедефа, – царь расплывался у Карги перед глазами.

Лицо фараона пошло пятнами.

– Наследники престола имеют только одного отца, – отрезал он. – Меня, Великого Бога.

– А Ра? – и Марь Иванна попыталась приподняться на локтях.

– А, Ра! – облегченно выдохнул Хуфу. – Он наш всеобщий отец. В переносном смысле. Подданные иногда называют меня Са-Ра, то есть Сын Солнца, а иногда так обращаются даже к моим паршивцам.

– Са-Ра, – повторила Карга. – Где-то я уже это слышала. А Реджедеф... Хефрен... Сколько у них имен?

– Сколько положено – пять, – пожал плечами фараон. – Как у любого представителя царской семьи. Первое – имя Гора, властителя Египта, потому что мы его земное воплощение. Второе – тоже божье имя, указывает на то, что мы имеем власть над всей Черной Землей: Нехебт-Уаджит, сокращенно Небти. Третье имя – Золотого Гора. Что это такое, никто толком не знает. Видимо, сохраняется по традиции. Четвертое – Ни-Сут-Бити – означает, что мы относимся к тростинке и пчеле, то есть к Верхнему и Нижнему царству. Ну и, наконец, Са-Ра... Проще простого. Понятно?

– В общих чертах, – голова у Карги кружилась. Она снова закрыла глаза и увидела перед собой наглых мальчишек. – Разве это дети? – простонала учительница. – Это выродки, а не дети.

– Я возмещу ущерб, – прошептал Хуфу. – Только не надо огласки. Что ты хочешь? Золото, серебро? Дом с садом? Место в гареме?

– Домой хочу-у-у! – всхлипнула Марь Иванна. – В двадцать первую школу! К Петуле хочу! Дайте мне визу! Отправьте меня обратно!

– Документик мы тебе выправим, – кивнул фараон. – А вот обратно добирайся, как знаешь. С транспортом напряженка. Все силы брошены на пирамиду. Хотя... – он задумался и пообещал: – Я поговорю со жрецами, пусть изыщут

возможности.

Если бы Карга могла, она встала бы на колени.

– Поговорите, голубчик! – взмолилась учительница. – Похлопочите за меня, бедную, несчастную! Ведь конец учебного года на носу! Если директор узнает, что я уехала на курорт без его ведома, выгонит с волчьим билетом. Знаете, что такое без работы остаться?

– Ну, должность мы тебе найдем, – успокоил женщину Хуфу. – Хочешь, устрою тебя жрицей?

Марь Иванна засомневалась:

– Ой, это же с вашей религией связано... Лучше не надо, разве что в крайнем случае. Мне бы что-нибудь по специальности...

Фараон задумался.

– Надсмотрщиком пойдешь? Должность почетная, хорошо оплачиваемая.

Карга затихла. Предложение царя показалось ей любопытным.

– Вообще-то это работа с коллективом, – стала размышлять она вслух. – Организаторские способности у меня есть, дисциплину налажу... Вот только название профессии, ваше величество, меня немного смущает. Попахивает рабовладельческим строем. Веет, понимаете ли, угнетением человека человеком. Я привыкла быть классным руководителем...

– А что это?

– Примерно то же, что надсмотрщик, – слабо улыбнулась

Марь Иванна.

– Так в чем же дело? Назначаю тебя Старшим Классным Руководителем на строительстве Великой Пирамиды. Так и запишем.

И Секретарь-Писец тут же занес на папирус распоряжение повелителя.

В палату вошел Главный Лекарь и распростерся перед царственным посетителем.

– Не вели казнить, вели слово молвить, – произнес он ритуальную формулу. – Твой визит, Жизнь-Здоровье-Сила, утомил пострадавшую, смерть-немошь-болезнь... К тому же подходит время процедур.

– Ухожу, ухожу, ухожу, – Хуфу на цыпочках направился к выходу, но передумал. – А можно остаться? Я потихоньку тут в уголке посижу.

– Ладно, – Главврач встал и отряхнул колени. – Только пусть фараон, да будет он жив, здоров и невредим, ни во что не вмешивается.

Он хлопнул в ладоши, и в палате сильно запахло чесноком. Две жрицы в белоснежных халатах внесли огромную плетенку чудодейственного растения и положили ее Карге на грудь.

Главный сделал несколько танцевальных па, схватил головку чеснока и разделил ее на дольки. Жрицы стали раскачиваться и подвывать.

– Да будут обновлены твои ноздри жизнью, – провозгла-

сил лекарь и затолкал две дольки в нос Марь Иванне.

Потом он, как балерина, встал на цыпочки и без всяких пуантов сделал шестнадцать фуэте. Следующая долька лекарства отправилась в рот больной:

– Да вернется жизненная сила в твои уста.

После каскада великолепных прыжков Главврач проделал ту же чесночную процедуру с ушами Марь Ивановны. Жрицы тихо заиграли на систрах.

– Спи-и! – лекарь сделал несколько пассивов. – Усни-и! Угломон тебя возьми-и! Опаслив тот, кто знает страну свою, и разольет Ра страх перед тобой по равнинам и ужас перед тобой надо всеми горами...

Марь Иванна зевнула.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал доктор. – Кризис миновал.

– Она будет жить? – с тревогой спросил Хуфу.

– Время покажет, – уклончиво ответил Главврач, щупая запястье пациентки. – Пока что могу диагностировать состояние средней тяжести. Легкие телесные повреждения головы и лица, пульс учащенный, множественные подкожные кровоизлияния.

Фараон побледнел.

– Угнетенное психическое состояние, – добавил доктор. – Неадекватная реакция. Больную преследуют навязчивые идеи. Она все время зовет какую-то Петулю. По-видимому, бредит.

Теперь лекарь внимательно изучал желтые ступни Марь Ивановны. А одна из жриц, бросив сестр, накладывала ей на голову тугую полотняную повязку. Другая жрица положила на лоб Карги небольшого, но очень подвижного ужа.

— Для снятия лихорадки, — уточнил доктор. — Кроме того, от синяков применим примочки с отваром бодяги. Окажем первую и последнюю помощь.

— Хорошо — похвалил фараон. — Это все?

— Нет, — вздохнул доктор. — По ладоням, ступням и радужной оболочке глаза я установил ряд хронических заболеваний уха, горла и носа. За один день такое не вылечишь.

— Пусть сколько надо, столько и лежит, — Хуфу переглянулся со стоящим в углу человеческим скелетом. — В расходах не стесняйся. Понадобятся импортные лекарства — достанем. Сейчас в чем-то нужда есть?

Главный Врач застенчиво попросил:

— Мумия бы... Наши запасы все вышли.

— Плохо, — мягко пожурил его фараон. — Настоящее мумие на дороге не валяется. К тому же все сборщики задействованы у меня на строительстве. Ладно, обеспечу мумием, но расходуй экономно. Выделю людей на добычу из гробниц устарелого образца. Пускай поскребут покойников первой, второй и третьей династии. Только тихо. Никому ни слова о том, кто тебе помог.

Глава 5. Педагогическая поэма

– Сфинкс знает что! – пожаловался Хемиун жуку-скарабею, который полз по песку в неизвестном направлении. – Совершенно невозможно работать.

Жук сочувственно пошевелил лапками и покатил навозный шарик дальше. Так Великий Ра катит по небу солнечный диск.

Главный Архитектор вздохнул и поднял глаза на Классную Руководительницу. Шла переключка.

– Раб номер пятнадцать тысяч восемьсот один... Девятьсот семьдесят четыре...

– Этого нет! – раздался из толпы чей-то голос.

– Прогул?! – негодуяще воскликнула Марь Иванна.

– Прогул, прогул! – подтвердили несколько голосов. – Умер вчера от непосильного труда.

– Причина уважительная, – и Классная Руководительница добросовестно отметила в папирусе: «Выбыл по причине смерти».

Хемиун еще раз вздохнул. Драгоценные предрассветные часы уходили впустую. Сроки сдачи объекта поджимали. А Карга – так мысленно окрестил зодчий новую любимицу фараона – все норовила занять людей какими-то глупостями. Вот, например, переключка. Она длится вторые сутки, а конца не видно. Ведь на строительстве занято сто тысяч чело-

век. А может, и больше. Кто их считал?

– С рабами покончено! – объявила Карга. – Переходим к вольнонаемным.

– Может, не надо? – взмолился Хемиун. И соврал: – У них свободное посещение.

– Непорядок! – Марь Иванна с видимым сожалением отложила папирус в сторону. – Нужно прекратить эту порочную практику. Без учета и контроля, во-первых, у нас все строители скоро разбегутся. А во-вторых, я не смогу организовать соревнование бригад.

– Вы все сможете! – грубо польстил ей Хемиун и торопливо приказал: – На объект!

– Парами, парами, – напомнила Марь Иванна, подгоняя рабочих указкой. – Ну как вы ходите? Выше головы, плечи расправить и с речевкой к пирамиде шагом марш!

Она набрала в грудь воздуха и гаркнула:

– Раз-два!

– Три-четыре! – хором отозвались рабы и вольнонаемные.

На ветру развевались свеженамалеванные постеры, где иероглифами было выведено: *«Повысим производительность рабского труда!», «Каждому труженику – отдельную гробницу!», «Вперед к победе феодализма – светлого будущего всего человечества!».*

– Три-четыре!

– Раз-два!

– Не дадим себя в обиду

И построим пирамиду!

Наш любимый фараон

Будет в ней захоронен!

– вразнобой выкрикивали рабочие. Карга, улыбаясь, сунула указку подмышку и с энтузиазмом отбивала такт ладонями.

– Вот видите, – обернулась она к Хемиуну. – С каким настроением идут люди на смену! Вот что значит правильная организация труда!

– Да уж, – мрачно отозвался зодчий.

– Песню запевай! – скомандовала Марь Иванна, и бородастый раб затянул:

– Мы товарищи с тобой,

Равен среди нас любой.

Строим вечную квартиру

Для загробного для миру!

– Слова-то какие, – невольно передернулся Хемиун.

– Сама сочинила, – скромно улыбнулась Марь Иванна. – Еще бы единую форму ввести, – она мечтательно вздохнула, провожая взглядом уходящие колонны. – А то они все у нас какие-то разноцветные.

– Дети разных народов, – развел руками Хемиун. – Против цвета кожи не попрешь.

– Ну что за выражения? Фу... Какой пример вы подаете подчиненным? – поморщилась Карга и направилась в шатер с табличкой «Учительская».

Дел у Классного Руководителя было невпроворот. Во-первых, следовало разобрать документацию, которая находилась в полном беспорядке. Затем требовалось вызвать художников для оформления Стенного Папируса. Карга еще плохо разбиралась в иероглифах и потому боялась попасть впросак. Но у нее возникла замечательная идея: создать стелу почета и черный обелиск позора. На них камнерезы оперативно отразят портреты передовиков и отстающих. Нужно также заполнить Папирус Успеваемости – выставить утренние и вечерние оценки. Следующим пунктом Марь Иванна наметила провести педсовет с надсмотрщиками. И, наконец, предстояло подискутировать со жрецами о проведении этнокультурного фестиваля.

Марь Иванна мечтательно закатила глаза: День Негритянской Песни и Пляски, День Еврейской Кухни, День Египетской Письменности, День Лихого Джигита... Рабы могут обмениваться адресами и маленькими сувенирами из золота и меди. В принципе, это вполне осуществимо. И с помещением проблем не будет. Вон сколько погребальных камер пустует пока в Великой Пирамиде!

Что-то пощекотало шею Карги. Она машинально почесалась и взвизгнула: на песок свалился мохнатый черный паучище.

– Мерзость какая! – передернулась Марь Иванна, затапывая переносчика инфекции каблуками. – Тараканы так и ползают. Сплошная антисанитария.

Она порылась в карманах пиджака и выудила оттуда универсальный карандашик для уничтожения бытовых насекомых. Обработав интерьер шатра, Классная Руководительница с сожалением посмотрела на огрызок карандаша и вздохнула: вот досада! На всю пирамиду не хватит. Знала бы – захватила бы еще одну упаковку.

Карга выглянула из шатра и увидела, что рабочие спускаются с вершины. Подхватив указку, она заспешила к подопечным. Обеденный перерыв тоже можно использовать для воспитания и образования. Почему бы, например, не провести Классный Час, а потом, если останется время, организовать экскурсию? Только вот куда? Карга оглядела окрестности. Кругом лежала безжизненная пустыня.

– Первая смена! Западная сторона! – донеслось со стройки. – Получите обед по бригадам!

– Замечательно! – расцвела Классная Руководительница. – Рабочие Западной грани посетят Восточную, а Южной – Северную. И наоборот. Кругозор рабов значительно расширится.

И, довольная своей задумкой, Марь Иванна прибавила шаг.

Но экскурсии не суждено было состояться. Не успела Карга пройти и сотню локтей, как ее перехватил Хемиун.

– Ты куда? – подозрительно спросил он.

– Попрошу не тыкать! – с достоинством ответила учительница. – И отойдите с дороги. У меня мало времени. Нужно

провести мероприятие.

– Достала ты со своими Мероприятиями! – злобно прошипел Главный Архитектор. – Из-за твоих идиотских Классных Часов мы никогда не достроим пирамиду! А дядя, между прочим, не вечный. Того и гляди, умрет лет через двадцать-тридцать. И где мы его похороним?

– О живых надо думать! – парировала Классная Руководительница. – И ваше начальство, между прочим, это хорошо понимает. Фараон лично дал мне чрезвычайные полномочия. Вот! – она потрясла папирусом перед самым носом царского племянника.

– Да плевать я хотел на твои справки! – Хемиун вне себя выхватил свиток у нее из рук и разорвал на мелкие кусочки.

– Ну, знаете ли! – задохнулась от возмущения Карга. – Вы слишком много себе позволяете! Это же документ. Я буду жаловаться! Вы препятствуете нормальной работе. Ставьте палки в колеса!

– Вот-вот, всыпать бы тебе сотню палок! – огрызнулся зодчий. – Жалуйся куда хочешь, но сейчас я к рабам тебя не подпущу. Дай людям отдохнуть. Им еще вкалывать и вкалывать до отбоя.

И Хемиун широко раскинул руки в стороны, не давая проходу Классной Руководительнице.

– Мракобес! Обскурант! – Карга пыталась обойти Хемиуна с флангов, но все время натыкалась на его живот. – Ретроград! Консерватор! Тормоз прогресса!

– Вали отсюда! – зодчий схватил Марь Иванну за плечи и развернул ее на сто восемьдесят градусов.

Такого Карга стерпеть не могла.

– Рабовладелец! – завопила она. – Угнетатель трудового народа! Кровопийца!

И Классная Руководительница, спотыкаясь, снова направилась к Учительской – писать жалобу лично египетскому фараону.

Глава 6. Культпоход в храм

Из царского дворца Хемиун вернулся чернее тучи. Не говоря ни слова, он зашел в Учительскую и бросил на стол дубликат справки Марь Ивановны за личной подписью и печатью Хуфу. При виде хмурой физиономии зодчего Карга злорадно улыбнулась.

– Новое всегда побеждает, – с удовлетворением сказала она. – Я же предупреждала, что пожалуюсь фараону, и Маат восторжествует.

Главный Архитектор промолчал.

– Надеюсь, во дворце вам объяснили, что без воспитательной работы в деле построения пирамиды не обойтись. Поэтому бросьте свои амбиции. Диктовать условия буду я.

У Хемиуна чесались руки ответить Классной Руководительнице. Но он сдержался. Великий Хуфу строго-настрого запретил племяннику связываться с проклятой бабой. Она настрочила такую жалобу, которой нельзя было не дать ходу. По доносу Марь Ивановны пришлось создать целую комиссию, и теперь вся царская канцелярия ломала голову: как закончить дело миром? А все потому, что в конце своего послания Карга приписала: «В случае, если не примете надлежащие меры, буду вынуждена обратиться в вышестоящие инстанции».

– Ты же знаешь, кто надо мной вышестоящие, – довери-

тельно поделился с племянником фараон. – Бессмертные боги. Как минимум тысяча. А то и больше. Попробуй перед ними оправдаться! Поэтому терпи, Хемиун, недолго уж осталось. Еще год-другой, и строительство закончится.

– ...Значит, так, – между тем продолжала Карга. – Ввожу шестидневную рабочую неделю и восьмичасовой рабочий день. На завтра назначаю воскресенье. Люди должны иметь возможность культурно отдохнуть и провести досуг. У вас есть очаги культуры?

– Жертвенники? – неохотно уточнил Хемиун. – Есть. Недалеко тут. В Мемфисском храме. Завтра как раз мистерия.

– Вот и отлично! – Марь Иванна не слишком хорошо представляла, что это такое. Наверное, что-то из мира искусства. – Закажите на завтра сто тысяч билетов и транспорт для перевозки рабов.

Главный Архитектор онемел.

– Это невозможно! – просипел он, обретя дар речи. – Они не поместятся в храме.

– Жаль, – искренне огорчилась Классная Руководительница. – Тогда сделаем по-другому. Поощрим лидеров производства. Человек двести. Носилки будут?

– На барках доплывут, – с остервенением ответил зодчий. – По Реке.

...В Мемфисском храме финику негде было упасть. Рабы и вольнонаемные радовались, как дети: до сих пор их никуда не выводили. Только за пирамиду. На порку. Поэтому им все здесь нравилось. И полутемный зал, и расшитый золотом занавес, и жрецы-билетеры в строгих ритуальных одеждах. Строители показывали заскорузлыми пальцами на разрисованные стены и потолки и вполголоса делились впечатлениями:

– Ух ты!

– Тише, господа, тише! – Карга постучала указкой по статуе Пта с человеческой головой. – Давайте лучше поаплодируем артистам, – и она первая захлопала в ладоши.

Нежно запели арфы. Затрещали трещотки. Грянули системы. Оркестр заиграл увертюру. Занавес взвился. На сцену вышел жрец-конферансье.

– Осирис и Исида! – объявил он. – Вечная мелодраматическая мистерия. Триста пятьдесят шестая серия! Краткое содержание предыдущих серий. Бог Солнца Ра приходит в гости к Нефтиде и Сету в разгар семейного скандала. Он мирит супругов и делится своими отцовскими проблемами. Его дочь Тefнyт, поссорившись с Ра, превратилась в львицу и сбежала из дома в Нубию. Тем временем, закончив строительство металлургического комбината по переработке меди

в золото, Осирис возвращается домой. По случаю приезда мужа Исида устраивает вечеринку...

— ...Грибочков попробуйте, — потчевала Исида гостей. — Привезли из далеких северных лесов. А вот это — рыбка красная, выловленная в Белом море. Угощайтесь, гости дорогие!

Во главе стола поднялся Осирис с чашей в руках.

— Друзья! — почувствованно начал он. — Предлагаю тост за замечательную женщину, богиню, которая организовала для нас такой великолепный праздник...

Гости с улыбками повернулись к Исиде и зааплодировали. Жена Осириса скромно потупилась, пряча натруженные руки под фартук, надетый поверх вечернего платья.

— Во время моих длительных отлучек, — продолжал Осирис, — я часто вспоминаю домашний очаг...

Входная дверь со стуком распахнулась, и во дворец ввалилась большая пьяная компания во главе с Сетом.

— Семьдесят два... — в ужасе подсчитала новых гостей Исида. — Ой, куда ж я их всех усажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.